

EDN: LIKDBD
УДК 316.73

Cemetery as an Object of Tourist Visit: Positive and Negative Effects

Anna Yu. Kazakova^{*a} and Darya A. Stepanova^b

*^aInstitute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

*^bKaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
Kaluga, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 18.09.2024

Abstract. In modern large cities, the significance of cemeteries is distorted due to desacralization, which is stimulated by alternative practices of their use, including as an object of sightseeing display. This conclusion was confirmed during interviews with participants of a specially organized tour of the Pyatnitsky cemetery, as well as its potential participants from among the students. Actualization of the historical and cultural potential of ancient cemeteries in the form of organized educational events seems to the authors to be one of the most effective and environmentally friendly tools for their protection in the conditions of modern secular mass everyday urban culture. However, the same measure is accompanied by a number of side deviant effects that can further enhance desacralization: an increase in the flow of people and noise, mediatization through advertising of excursions, the development of a secondary tourist-oriented business in the surrounding areas and others. Therefore, measures aimed at restoring or strengthening the physical and symbolic boundaries between the sacred and profane spaces are considered to be of primary importance. These include marking borders using information stands, signage, and plaques. This should contribute to strengthening self-control and restructuring the behavior of the cemetery visitor.

Keywords: thanatosociology, cemetery, social space, sacred, habitualization of death, necrotourism, function, effect.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Kazakova A. Yu., Stepanova D.A. Cemetery as an object of tourist visit: positive and negative effects. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1910–1921.
EDN: LIKDBD

Кладбище как объект туристического посещения: позитивные и негативные эффекты

А.Ю. Казакова^а, Д.А. Степанова^б

^аИнститут научной информации

по общественным наукам РАН

Российская Федерация, Москва

^бКалужский государственный университет

имени К. Э. Циолковского

Российская Федерация, Калуга

Аннотация. В современных крупных городах значение кладбища искажается вследствие десакрализации, которую стимулируют альтернативные практики их использования, в том числе в качестве объекта экскурсионного показа. Данный вывод был подтвержден в ходе интервью с участниками специально организованной экскурсии по Пятницкому кладбищу, а также ее потенциальными участниками из числа студентов. Актуализация имеющегося у старинных кладбищ историко-культурного потенциала в форме организованных просветительских мероприятий представляется авторам одним из наиболее действенных и экологичных инструментов их охраны в условиях современной светской массовой повседневной городской культуры. Однако эта же мера сопровождается рядом побочных девиантных эффектов, способных дополнительно усилить десакрализацию: увеличение людского потока и шума, медиатизация через рекламу экскурсий, развитие вторичного, ориентированного на туристов, бизнеса на прилегающих территориях и другие. Поэтому первоочередными представляются меры, нацеленные на восстановление или укрепление физических и символических границ между сакральным и профанным пространствами, маркирование которых с помощью информационных стендов, указателей, табличек должно работать на усиление самоконтроля и перестройку поведения посетителя кладбища.

Ключевые слова: танатосоциология, кладбище, социальное пространство, сакральное, хабиутализация смерти, некротуризм, функция, эффект.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Казакова А. Ю., Степанова Д. А. Кладбище как объект туристического посещения: позитивные и негативные эффекты. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1910–1921. EDN: LIKDBD

Введение в проблематику

В отличие от действующих кладбищ, где ведутся захоронения, старинные некрополи русских городов, которые стремительно модернизируются и растут, развивают целый ряд дополнительных функций. Зажатые между жилыми массивами, торговыми и социальными учреждениями, они нередко ока-

зываются зоной транзита, частью привычных пешеходных маршрутов. Старые кладбища становятся прогулочной и даже спортивной зоной для местных жителей ввиду отсутствия в пределах пешей доступности иных озелененных территорий, рекреационных пространств. Уединенность и мистический ореол обуславливают их притягательность

для альтернативных – девиантных и даже криминальных – практик: нищенство и попрошайничество, наркоторговля и распитие алкоголя, «мистический туризм» и экскурсии, акты вандализма и осквернения могил. В силу наличия у самих кладбищ дополнительной познавательной, исторической, культурной, религиозно-культовой или идеологической ценности они могут целенаправленно превращаться в официальный объект традиционного, нормативно-одобряемого показа и посещения. Например, Александро-Невская лавра, Новодевичье кладбище – самые яркие в России примеры туристического посещения; братские могилы, воинские захоронения – типичные места официальных траурных митингов в установленные государственным памятным календарем дни, прежде всего 8 и 9 Мая; родственные могилы – обязательные объекты массового ритуального посещения в дни поминовения усопших, на Радоницу, по важным семейным датам.

Наметилась тенденция, обратная выделенной Ф. Арьесом модели «перевернутой смерти», то есть ее отрицания и вытеснения за пределы публичного пространства (Ariès, 1992). По контрасту ее можно обозначить как хабитуализацию смерти: привыкание к ней, в том числе за счет ее интенсивной медиатизации, снятие ряда связанных с нею табу и даже профанацию. Частью данной тенденции является превращение кладбища в объект туристического показа.

Концептологические основания исследования

Среди специфических видов туризма выделяют «некротуризм» («танатотуризм», «смертельный туризм», «скорбный туризм»), который в своих организованных формах развивается преимущественно не в качестве самостоятельного направления, но как составная часть познавательного (Bugrova, 2024), духовного (Reza et al., 2023), экстремального/патологического (Blom, 2000) или сельско-этнографического туризма (Mionel, 2020). В целом некротуризм изучен мало не только в России, но и за рубежом (Luque Janodet, 2020), поскольку он набирает популярность лишь

с 2000–х гг. Рост этот недавний, но бурный: настолько, что создаются соответствующие тематические карты и путеводители (Stone, 2022), строятся рейтинги (Powell et al., 2018), кладбища позиционируются как географические бренды, имеющие самостоятельную историческую или художественную ценность или как продолжение, развитие личного бренда умершей звезды (Blom, 2000). Специалисты предпринимают попытки оценки нынешнего объема и потенциала роста некропольного туризма, акцентируя при этом особые возможности отдельных регионов (Mileva, 2018, Lewis et al., 2021, Marlenne et al., 2020). В связи с более давним, чем в России, ростом его популярности европейские гиды осмысливают этически сложный выбор: «они обязаны рассказывать всю правду, показывая в то же время почтение к памяти жертв... Это не всегда может быть во время экскурсии, которая организована скорее как развлекательное шоу, чем процедура в целях почтить память жертв, а применение таких мест в коммерческих и агитационных целях может испортить экскурсию» (Uglikova, Fedotova, 2016: 63). Этот выбор осуществляется иногда путем разделения туристов с разными мотивами во времени (например, «мистические» туры по Москве обычно проводятся ночью), нишевой дифференциации маркетинговых коммуникаций, иногда путем административной блокировки доступа к «мрачным» объектам с сомнительными целями (места аварий и катастроф).

Некропольный туризм определяют не только как «темный» и «аномальный» в силу несоответствия циничного туристического любопытства культурному смыслу места траура, скорби, памяти, но и как «сакральный», что подчеркивает наличие конструктивных функций. К их числу можно отнести эколого-экономические, социализационные, образовательные, культуронаследческие, интегративные. Развитие некропольного туризма можно рассматривать как самостоятельно избранный или сформированный маркетологами отказ потребителя от мейнстрима, позволяющий перенаправить часть туристских потоков

с модного направления в сторону необычного, которое становится «изысканным продуктом» в формирующейся экономике впечатлений. «Мрачный туризм» благотворен с точки зрения активизации исторической памяти и одновременного изживания личной, семейной, исторической травмы (воплощенной в местах военных сражений, техногенных катастроф, местах заключения). Исследователи выделяют функцию «объединяющего общества фактора после войны или катастрофы» (Merkulova et al., 2018: 83). Народно-смеховая культура издавна сочетает благоговение перед смертью с попытками ее «одомашнивания», приземления, что находит выражение и в отдельных, кощунственных по своей форме обрядах и ритуалах, и в «смеховых», пародийных эпитафиях, рисунках на настоящих надгробиях (Mionel, 2020). Это отражает потребность в совладании со страхом смерти, страхом небытия, чему, вероятно, также способствует туристическое посещение кладбищ. Посещение кладбищ может быть встроено в поиск личных семейных, этнических, социально-территориальных корней и связей как часть восстановления, формирования, укрепления социальной идентичности, нарушенной переездом, утратой или разделением семьи, нации, государственной принадлежности (Aggarwal et al., 2024). По сути вопрос о мотивах и этичности туристического посещения кладбища можно переформулировать как вопрос о том, содействует или препятствует интерес и поведение посетителя сохранению кладбищем статуса особого, сакрального, пространства.

Постановка проблемы

Возникает необходимость проверки идеи о том, что сообщение кладбищу ценности объекта туристического показа способно компенсировать снижение его культовой, сакральной, семейно-родовой значимости в общественном восприятии и тем содействовать его охране, защите от вандальных посягательств, намеренного осквернения и ненамеренной профанации. Иными словами, место священного трепета,

благоговения перед смертью и посмертием, поклонения усопшим предкам на родственных могилах могут с успехом занять интерес к старине, местный патриотизм, восхищение выдающимися людьми, внесенными вклад в историю, экономику, культуру города, региона, страны. Но с тем же успехом это место могут занять перверсии, когда осознание священного сохраняется, но ведет к намеренно разрушающему границы кощунственному поведению: вандальные, оккультные, игровые акты, направляемые поиском острых ощущений, праздным любопытством, «хайпом».

Методология

Исследование было проведено на старейшем, всесословном кладбище Калуги – Пятницком – 24.05.2024 г. в ходе специально организованной часовой экскурсии. Авторами было проведено групповое интервьюирование семи экскурсантов, а также двух экскурсоводов, которыми выступили студентки направления «Туризм», апробировавшие разработанный ими в рамках учебной деятельности маршрут. Организованная группа посетителей состояла из сотрудников различных научных организаций, профессионально занимающихся городской антропологией, визуальной социологией, картографированием и охраной объектов культурного наследия. Информанты являются экспертами не только с точки зрения содержания научных интересов, но и с точки зрения проживания и работы в городах с высочайшей семиотической нагруженностью, исторической плотностью пространства, с ценными и всемирно известными культовыми объектами и некрополями: Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Пушкинские Горы. Именно экспертность, по замыслу авторов, в наибольшей степени соответствовала задаче первичного уточнения проблемы исследования.

Интервью включало вопросы о впечатлениях от экскурсии и наличии в ней элементов неожиданности, удивления, ощущения новизны, что на фоне компетентности и привычности экспертов к подобным маршрутам особенно важно. Ин-

форманты стимулировались к сравнению с предыдущим опытом самостоятельного научного или группового экскурсионного посещения кладбищ и к выражению мнения об образовательном и культурном потенциале таких экскурсий. Проблематизировалось местоположение: *«Влияет ли на восприятие кладбища тот факт, что оно находится в самом сердце города? Есть ли у вас ощущение, что кладбище служит своего рода «переходной зоной» между повседневной жизнью и иным миром?»* и *«Как наличие кладбища в центре города может влиять на восприятие этого пространства горожанами?»*, что далее конкретизировалось в вопросе о потенциальной реакции эксперта на детей, катающихся по кладбищу на велосипедах, роликах, самокатах. Далее задавались вопросы, предполагающие прямую моральную оценку с опорой на предшествующий опыт: *«Какие случаи недопустимого поведения на кладбищах Вам случалось наблюдать лично?»* и *«Случалось ли наблюдать такое же поведение на знаменитых кладбищах-музеях (Новодевичье, Ваганьковское, Донское, Смоленское, Александро-Невской лавры)?»* Завершалось интервью вопросами о предполагаемых эффектах целенаправленного превращения кладбища в объект экскурсионного показа:

- *Способны ли такие экскурсии повлиять на поддержание порядка и чистоты на кладбищах?*

- *Мы предполагаем, что такие экскурсии могут помочь людям лучше понять историю и культуру своего города. Как вы думаете, будут ли исключения? Могут ли такие экскурсии вызвать раздражение и негативную реакцию? Если да, то у кого?*

- *Для кого, по вашему мнению, важно проводить такие экскурсии? Что произойдет, если их проводить регулярно?*

Аналогичные вопросы были заданы не только разработчикам экскурсионного маршрута, но и студентам института истории и права как потенциальной аудитории.

Результаты исследования

Интервьюирование в ходе экскурсии осуществлялось в те моменты, когда по-

сетители самостоятельно вслух начинали комментировать какие-то примечательные, с их точки зрения, особенности калужского кладбища, что позволяло перейти к их групповому обсуждению в соответствии с гайдом. Гости сопоставляли маршрут с другими экскурсиями по кладбищам, которые в силу профессиональных интересов они знают, посещают и даже проводят (например, экскурсия в Великом Новгороде под названием «Последний адрес»). Экзотичность некротуризма в их глазах стерлась, и сам факт его существования оценивается положительно, польза от экскурсий сомнений не вызывает.

Первым вопросом, вызвавшим живое обсуждение, стала особая роль старинных кладбищ, обусловленная их центральным местоположением. Инициировала обсуждение урбанист из Великого Новгорода: *«У нас некрополь, получается, – это все равно часть города, привычная для людей»*. Эту констатацию прокомментировали практически все участники, отметив бросающуюся в глаза оживленность кладбища, будничность хождений насквозь и впритык расположенные дома плотной жилой застройки: *«Да, запросто можно пройти через него»*, *«Постоянно люди ходят»* и т.д. С предположением о том, что кладбище используют как прогулочную зону из-за отсутствия рекреационных пространств в пешей доступности, эксперты согласились только частично. Контраргументом стало наличие неподалеку оборудованной детской площадкой и торговыми точками сквера имени Воронина (в народе – «Собачий скверик»), а собственно на подъезде к кладбищу, но за воротами – сильно затененной еловой аллеи с лавочками для отдыха. В качестве более убедительного объяснения было предложено неудобство иных, официальных, путей передвижения по периметру кладбища из-за его внушительных размеров, традиционность такого маршрута для горожан и формирующаяся по мере адаптации к городу привычка – для приезжих.

Элементы неожиданности обеспечили не самые знаменитые захоронения (Циол-

ковских и Чижевских), а те детали и нюансы жизненного пути погребенных на Пятницком кладбище, которые каким-то образом пересекались с личными историями экскурсантов – единством исторического опыта поколений, или родом занятий, или даже опытом прямых, пусть и кратковременных, встреч и контактов. Так, московские урбанисты вспомнили о встречах с краеведом А. С. Днепровским-Орбелиани в период его работы в Москве в области охраны памятников культурного наследия, а его смерть в год COVID вызвала дополнительные подсчеты и резюме: *«Большую жизнь прожил, хорошую»*. Могила заслуженного учителя РСФСР Л. М. Шевченко заинтересовала после сообщения о том, что она являлась первой учительницей Н. С. Хрущева. Живо обсуждались родственные и профессиональные связи, вспоминались годы встреч, поездок, официальных сообщений в СМИ и другая информация, извлечение которой из памяти и вербализация неизменно проходили в эмоционально-приподнятой, возбужденной манере, сопровождаясь смехом, оживленной жестикуляцией. В связи с посещением могилы трагически погибшего музыканта ансамбля «Синяя птица», участниками которого в разное время было пятеро калужан, экскурсоводы предложили вспомнить популярную в советское время песню «Там, где клен шумит», что экскурсанты могли сделать только путем напева мелодии. Дружный смех вызвало сообщение об амплу актрисы В. Никитиной: *«В 26 лет она начала играть бабок, и так и играла их до конца жизни»*. Во всех случаях реакция была искренней, живой, доброжелательной, но абсолютно неуместной в случае, если бы поблизости находился кто-то из близких усопших.

Таким образом, коммеморации в ходе посещения кладбища выполняют ряд дополнительных весомых функций. Поиск критериев и образцов «хорошей» жизни, смерти и посмертия работает на социализацию людей старшего возраста, определяет «нормативные» критерии оценки успешности жизненного пути и выполняет ценностно-ориентационную функцию.

Но последняя действует опосредованно, по «модели привратника». Испытывая сильное воздействие со стороны тех, кто формирует маршрут, данная функция зависит от ценностных ориентаций, культуры и эрудиции экскурсовода.

В нашем случае «экскурсоводы» были весьма неопытны. Они знают о «статусных» столичных некрополях, но не посещали их. Слышали об аналогичных экскурсиях в Калуге, проводимых официальным туристическим бюро, но не были на них и не брали их за основу. Любой «кладбищенский» маршрут они считают познавательным и полезным только в контексте краеведения, за счет биографической информации о знаменитостях, сделавших что-то для развития города, поэтому основным «культурным капиталом», составляющим потенциал развития Пятницкого кладбища как объекта туристического показа, они видят захоронения Циолковских и Чижевских. Ни разу не всплывала тема декабризма¹, но могила с мистическим ореолом городских легенд (самоубийство из-за несчастной любви) внесла в маршрут ожидаемую в таких местах долю саспенса и романтической грусти. На вопрос *«может ли кладбище быть музеем?»* обе ответили отрицательно: *«если с научной точки зрения, то нет; но если рассматривать как место, куда можно прийти и рассказать о личностях каких-то знаменитых, то – да»*. Соответственно, на экскурсии не упоминались ни планировочно-архитектурные особенности кладбища, ни история его возникновения и социального использования (развитие социальных служб и учреждений, непосредственно примыкавших к нему, что было продиктовано высокой концентрацией люмпенизированных слоев, имевших тот или иной промысел от кладбища), ни особый режим охраны (помимо статуса ОКН, Пятницкое кладбище является ООПТ и единственной для многих кварталов жилой застройки крупной зеленой зоной).

¹ Пятницкое кладбище – место упокоения Е. П. Оболенского, который по возвращении из ссылки вместе с другими «калужскими» декабристами принял активнейшее участие в подготовке к реформе 1861 года.

Целевой аудиторией экскурсоводы видят студентов и взрослых горожан от 14 лет и подчеркивают, что для детей они не подходят, но не из-за траурности места, а из-за малого культурного багажа. При регулярном проведении экскурсий, по мнению разработчиков, уже существующая стихийная практика самостоятельного туристического посещения кладбища может стать такой же привычной частью официальных маршрутов, как и в столицах. Функция кладбища как транзитной зоны в центральной части города первоначально вызвала у них удивление как у приезжих из малых населенных пунктов, где кладбище вынесено за их границы. Осуждения такая практика не вызывает: *«Да, необычно, но никак не влияет на восприятие кладбища: кладбище – и кладбище. Просто такое же место, как и все другие»; «Кладбище в центре города – это нормально. Для туризма хорошо: далеко ходить не надо».* В числе осуждаемых, недопустимых видов поведения на кладбище студентки, разработавшие маршрут, называют вандализм, порчу надгробий; употребление наркотиков, распитие спиртных напитков, хулиганство, а также проведение магических ритуалов типа приворотов и порчи. Вместе с тем идея преодоления девиаций посредством музеефикации и «туристификации» кладбища в ходе интервью не озвучивалась.

Чтобы оценить потенциальную привлекательность маршрута для тех, кого разработчики считают его основной целевой группой, – молодых людей, интересующихся историей города, – групповое интервью было проведено также со студентами Института истории и права второго года обучения. Состав реальной группы удачен большим количеством выходцев не только из малых городов, но и сельских населенных пунктов.

Как выяснилось, студенты, особенно сельские, воспринимают кладбище не столько как место захоронения людей, сколько как место обязательного периодического присутствия живых, с чьими чувствами следует считаться. Они сами активно участвуют в семейных ритуалах

посещения усопших, с чем связано большое количество названных предписаний должного поведения на кладбище, примеров осуждаемого поведения и табу. В числе осуждаемых действий выделены еда на кладбище, особенно приношений с могил (*«не в плане почтить человека, а в плане ... кутить»; «некоторые люди приходят на кладбище и забирают с могил в основном конфеты, или куличи, яйца ... знаете, как какой-то продуктовый магазин!»*), вандализм, мародерство и оккультно-магические практики. Вандализм отождествляется с осквернением: *«разворачивать могилы, забирать ценности», «рисовать на надгробиях, вообще осквернять, либо когда ... пинают их, разрушают – вандализмом занимаются».* Как осквернение квалифицируются: испражнение на кладбищах, любые рисунки, съемка на видеокамеры, хищение надземных и подземных частей захоронения (могильного камня, ограды или ее деталей, предметов, положенных в гроб покойному). Приводится много примеров воровства с могил родственников: *«У нас, например, воровали венки, искусственные цветы, вазу для цветов, воровали рюмки, в которые обычно там воду наливают, конфеты всегда воровали. У нас там стоял венок, чтобы убирать, – даже венок украли!»; «У нас воровство постоянное: калитки воруют, ограды»; «Мы ставили искусственное дерево для декора, сзади, – кто-то своровал».* Особое возмущение вызывают криминальные практики, поставленные на поток: воровство оград «на металл», черная археология и кладоискательство, которые, по свидетельству студентов истфака, очень распространены и в России, и в области, несмотря на борьбу с ними и ужесточение законодательства. Девушки хорошо осведомлены об альтернативных обрядовых практиках: *«проведение каких-то ритуалов, на блок, на сглаз ... это не то место! Это место, куда приходят люди, чтобы ... поплакать, поговорить ... а не место, чтоб там ночью костры разжигали и танцевали вокруг крестов».* Осуждается, но не осознается как «вандализм» оставление мусора: *«это актуальная проблема. У нас во всех общественных ме-*

стах – мусорки. И да, я лично с этим сталкивался: зачастую какие-нибудь уже пришедшие в негодность цветы, венки могут взять в пакет и кинуть где-нибудь, а не отнести непосредственно в бак»; «забрасывают мусором старые могилы, а не уносят с собой»; «мы один раз пришли на кладбище – это Литвиновское кладбище, – а на нашей участке просто куча травы: кто-то скопил рядом и выбросил на наш участок, хотя там идти до бака метров сто. Мы, конечно, убрали, но было неприятно». Возмущает студентов практика захоронений поверх старых, даже если старая могила заброшена и не посещается, а также перевод бывших земель специального назначения в иной статус (для ИЖС или сельскохозяйственной деятельности): «У нас была заброшенная территория ... и как-то купили эту территорию под дом. Стали копать землю, чтоб начать там высаживать, – начали находить кости, очень много костей. И прям несколько раз покупали эту территорию, и никто не хотел строить. А сейчас строят, кто-то решился». Студенты уверены, что незаконных захоронений много, и не только там, где раньше были кладбища: «вон, вдоль дороги: после аварии просто прикопали – и все».

Возникший вопрос о поведении надлежащем, должном показал очень высокую осведомленность студентов о нормах самого разного происхождения – и суеверных, и моральных, и юридических, и религиозных. Среди этих источников доминируют светский этикет с его требованием уважительного тактичного обращения с человеческим горем и симпатическая магия. Влияет на усвоение студентами «кладбищенских норм» информация, которую они черпают из сферы массовой коммуникации, в том числе ее диахронной линии, восходящей к традиционной народной культуре. «Если вдруг что-то уронил или оставил на кладбище, то это уже нельзя поднимать». «За покойником нельзя идти». «Не знаю, правда это или нет, но кладбище в центре города – Пятницкое – там есть синие огоньки – не стоит на них смотреть, ни в коем случае нельзя оборачиваться, иначе будет несча-

стье с тобой. Объяснить никак не могу». Последовавшая далее дискуссия о природе «синих огоньков» позволила идентифицировать источник слуха – это блоги о сверхъестественных явлениях, включая «блуднички» (светящиеся огни, шары) над свежими могилами. Современные городские былички о «блудничках» не эксклюзивны для Калуги – это бродячий сюжет, в основе которого традиционный славянский фольклор. Сюжет знаком многим; независимо от варианта, в котором студент слышал данный нарратив, общим является предписание: «Нельзя оборачиваться». В итоге формируется внушительный перечень правил избегания и ритуалов защиты, которые стараются соблюдать студенты. «Нужно вести себя тихо, громко не разговаривать. Обязательно прийти с чем-то и ... обязательно поцеловать крест. У меня недавно умер дедушка, мы, когда приходим и начинаем прощаться, обязательно целуем крест». «Мы когда подъезжаем – выключаем музыку в машине и звук на телефоне». «Нужно убрать, чтобы было чисто, цветы положить на могилу». «У нас родственники с Брянщины – мы на памятники повязываем ... платки ... там специфичное название ... рушник».

Музеефикация кладбищ в глазах студентов также оказалась сомнительной практикой. Теоретически кладбище может быть музеем, на котором проводят экскурсии. В качестве примеров приводят могилу Цоя, «куда приходят не просто попить-повеселиться, а почтить память, почитать стихи», калужский некрополь при восстановленном Свято-Лаврентьевском монастыре, «даже Мавзоль: там туристы-экскурсии, и там лежит Ленин». Но озвучено и противоположное мнение: «Я просто не вижу смысла смотреть на останки человека или то, что украшает эти останки. Потому что в основном на кладбище как в музей приходят к известным людям и рассказывают какие-то истории... Я считаю, что это просто неуместно. Приходить – да, но экскурсии – нет». Представление о «кладбищенском туризме» у студентов чисто умозрительное.

На экскурсиях по столичным некрополям они не были, за исключением захоронений у Кремлевской стены, которые также не являлись целью специального посещения. Не посещали Пятницкое кладбище в Калуге. Живущий в Боровске студент неоднократно бывал в Боровско-Пафнутьевом монастыре, но некрополем не интересовался. Девушка из районного центра (г. Мещовск) в восьмилетнем возрасте вместе с отцом наносила визит отцовскому другу из монастырской братии, который знакомил гостей с могилами, что показалось ей неуместным и смешным. Соответственно, вопрос о потенциальных целевых группах был решен студентами однозначно: такие экскурсии могут быть привлекательны только для фанатов – людей, одержимых литературой, искусством, музыкой и приходящих к особенно дорогим творцам. Школьникам экскурсия по кладбищу будет непонятна и неинтересна. Они не запомнят ее содержания и, «возможно, будут еще проклинать этих людей, которые их туда привели, потому что их согнали на это кладбище, а они будут думать – Господи, вот это все – зачем? Почему я сюда пришел?! Зачем мне этот Цой?! А если это все человеку интересно – допустим, пишет реферат по Цою, – и там еще будет экскурсовод, который расскажет про его жизнь, – тогда будет большой познавательный эффект». Детей, в том числе школьного возраста, приводить туда не следует и ввиду возможного стресса: «Детей нельзя брать на кладбище! Меня один раз потеряли на кладбище. Пришли на кладбище к дедушке, который умер два месяца назад, мои родители, моя бабушка, и меня взяли. И все ушли с дороги. У нас могила – там пригорок, она просматривается. А я стою – я маленькая – кругом трава с меня и могилы ... я думаю, вообще детей не надо брать туда!».

Возможная опасность прихода с детьми объясняется еще и тем, что дети не понимают смысла смерти и могут проявлять ненадлежащее поведение. В связи с этим озвучено критическое отношение и к привычке ходить через кладбище ради сокращения пути, и к его использованию в качестве рекреаци-

онной зоны. Живущие неподалеку говорят, что привыкли к этому: «да, кругом могилы, но когда ходишь – не замечаешь уже этого, просто как парк». Но те, кто приезжает специально в ритуальных целях, воспринимают такую ходьбу как раздражающий фактор, показатель неуважения: «Если б я, например, пришла на могилу к родственникам, а там кто-то в мяч играет, ездит на велосипеде, – я бы разозлилась! Это такое неуважение и к другим, и к моим родственникам». Эту точку зрения разделяют и жители областного центра, и жители маленьких населенных пунктов. Например: «Да, я согласна. Для меня нет такого понятия – «перейду-ка я через кладбище, это такая дорога! Просто парк!» – и дома мы всегда обходим кладбище, мы никогда не идем через него, и тут (в Калуге – А.К.) меня всегда удивляет, когда бабушка вылезает какая-нибудь из-за этого обветшавшего забора, с пакетами, которая лезла через это вот кладбище. Это очень странно для меня».

Потенциал Пятницкого кладбища как объекта экскурсионного показа студенты оценивают низко: оно едва ли способно сравняться со знаменитыми некрополями, привлекающими большие туристические потоки: «Вряд ли кто вообще о нем знает». Студенты не в состоянии назвать ни одной знаменитой личности, нашедшей покой на Пятницком кладбище, указать на его достопримечательности.

Прогнозируя возможные последствия регулярной реализации экскурсионных маршрутов, включающих Пятницкое кладбище, студенты выделяли преимущественно негативные эффекты. Это «недовольство людей: ладно, ты просто переходишь это кладбище, когда идешь домой ... а тут! Целая толпа!», «невозможно будет раздражать тех, кто живет рядом», а также «тех, кто ходит там, это же центр города, а тропинок мало»; «вообще приятного мало для тех, кто приходит к родственникам». Последняя ситуация рисуется анекдотически, что указывает на ее аморальность. «Допустим, я убираю траву на своем участке, и тут – экскурсовод: «Посмотри направо!» – «Та-а-ак, а кто здесь захо-

ронен?» – *И я такой в этот момент раком выдираю траву. Ну – такое себе*. К резко негативным эффектам вторжения туристической индустрии в пространство памяти студенты причисляют неизбежную, по их мнению, коммерциализацию этого пространства: *«Это станет поводом для развития вторичного бизнеса. Там же сейчас только венки продают. А так начнут продавать: зонтики от солнца... шарiki ...свечки ... мёд. Какой-то абсолютный бред»*. – *«Да, еще шлепанцы, купальники! Бизнес процветает на могилках!»*. Обязательно произойдет *«абсолютная переоценка ценностей в этом месте»*. Студент предсказывает повышение престижности кладбища за счет роста его медийности, что вызовет проблему его расширения: обязательно найдутся люди, которые захотят себе эксклюзивный кусок земли в таком престижном и закрытом для захоронений месте, *«и оно начнет расплзаться во дворы»*. Ожидаемые положительные эффекты состоят в *«повышении казны города Калуги»* за счет неэтичного бизнеса на прилегающих территориях и за счет самих экскурсий; в *«повышении уровня образования и осведомленности самих жителей о знаменитых земляках и людях, которые вообще жили в России, если они были как-то связаны с Калугой»*; *«в улучшении самого кладбища»*; в *«реставрации могил великих людей, о которых все забыли»*; в благоустройстве действующего храма (Петра и Павла); в постоянном поддержании ради туристов чистоты на кладбище. Однозначную пользу студенты видят для тех немногих, кто специально интересуется историей кладбищ, или развития городов, или биографиями конкретных исторических личностей.

Заключение

Профанация кладбищ и общий упадок культуры поведения на нем является негативным эффектом урбанизма. Это подтверждается рядом студенческих высказываний, свидетельствующих о том, что в селах и малых городах похоронная обрядность и традиции поминовения усопших характеризуются значительно более высокой

сохранностью, а кладбище по-прежнему окружено ореолом почтительного страха.

Случаи девиантного и делинквентного поведения нельзя выводить из краеведческой безграмотности горожан. Вандализм или алкоголика нельзя остановить с помощью просветительских лекций (скорее наоборот). Но применительно к кладбищу очевидна пагубность отсутствия в картине мира четкой и нерушимой границы между сакральным и профанным. Ее восстановлению или проведению будут способствовать довольно простые управленческие действия, призванные повысить символическую ценность кладбища, которые должны включать и вежливую просьбу о сдержанном поведении, и отсылки к исторической, социокультурной ценности объекта. На входе это информационный стенд с паспортом кладбища как ОКН и ООПТ, схемой расположения достопримечательностей, правилами поведения в храме и на прилегающей к нему территории, сведениями об этноконфессиональном составе участков. На внутренней территории – указатели движения, таблички с QR-кодами, ведущими к грамотно составленной, емкой, лаконичной информации о биографических, исторических, архитектурных атрибутах всего комплекса и его отдельных объектов, в том числе на официальных сайтах министерств (образования и науки, культуры, связи и коммуникации) или подведомственных учреждений (мемориальные музеи, архивы, областная научная библиотека).

Экскурсия, как любая интерактивно преподносимая информация, способна закреплять ее в памяти надолго, будить ассоциации, интерес к культурному наследию, чувство сопричастности городской и национальной истории, уважение к ее создателям и хранителям. Но сам ее формат несовместим со статусом действующего кладбища. Даже маленькая группа экспертов – людей глубоко интеллигентных – во время прогулки по кладбищу создавала неуместный шум, испытывая избыточное возбуждение, эмоциональный подъем и радостное узнавание, вызванные переключкой с собственной судьбой, мыслями, научными и личными

интересами. В том же гротескном варианте, который рисовался воображению студентов, – торговля купальниками, большие туристические автобусы, бойкие экскурсоводы с мегафонами и красотки, делающие селфи у надгробий, – организованный некротуризм способен дать эффект, прямо противоположный задачам экзистенциального самопознания и уважения к памяти предков.

В условиях активного посещения родственных захоронений на действующих кладбищах экскурсии должны оставаться такими же маргинальными туристическими практиками, какими они являются сегодня. Они должны проводиться индивидуально или в микрогруппах, желательно профессиональными экскурсоводами под эгидой государственных учреждений культуры, без тиражирования в СМИ и соцмедиа в качестве формы массового организованного досуга, быть только пешими и абсолютно

бесшумными (звук голоса экскурсовода должен поступать через наушники). И даже в таком варианте они абсолютно недопустимы в дни традиционного поминовения усопших и главных праздников церковного календаря.

Благодарности

Авторы выражают признательность студенткам направления «Туризм» Института искусств и социокультурного проектирования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского Корнеевой Полине Сергеевне и Родькиной Алине Алексеевне за экскурсию 24 мая 2024 года по Пятницкому кладбищу для участников конференции «Преобразования городской среды: новые тенденции и старые проблемы», которая сделала возможным проведение интервью и подарила ряд новых идей.

Список литературы / References

Aggarwal Dr. A., Lim W., Dandotiya R., Kukreja V. Dark tourism through the lens of attachment theory and domestic tourists. In: *International Journal of Tourism Research*, 2024, 26. 10.1002/jtr.2609. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377957300_Dark_tourism_through_the_lens_of_attachment_theory_and_domestic_tourists (assessed on 04.07.2024). In English.

Ariès Ph. *Man in the Face of Death [Chelovek pered litsom smerti]*. Moscow, Progress, Progress-Akademiya, 1992, 528.

Blom Th. Morbid tourism – a postmodern market niche with an example from Althorp. *Norsk Geografisk Tidsskrift-norwegian*. In: *Journal of Geography – NORSK GEOGR TIDSSKR-NOR J GEO*, 2000, 54, 29–36. 10.1080/002919500423564. Available at: https://www.researchgate.net/publication/240537830_Morbid_tourism_-_a_postmodern_market_niche_with_an_example_from_Althorp (assessed on 04.07.2024).

Bugrova E. Issues of Studying Dark Tourism as a Factor in Preserving Cultural and Historical Memory. In: *Izvestia Ural Federal University Journal Series 1 Issues in Education Science and Culture*, 2024, 30, 133–141. 10.15826/izv1.2024.30.2.033.

Lewis H., Schrier Th., Xu Sh. Dark tourism: motivations and visit intentions of tourists. In: *International Hospitality Review*, ahead-of-print. 10.1108/IHR-01-2021-0004. I. 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/353101143_Dark_tourism_motivations_and_visit_intentions_of_tourists (assessed on 04.07.2024).

Luque Janodet F. Los textos necroturísticos: caracterización y desafíos para su traducción (francés-español) / Necrotourism texts: characterization and challenges for its translation (French-Spanish). In: *Onomázein Revista de lingüística filología y traducción*, 10.7764/onomazein.ne7.08. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/348093495_Los_textos_necroturísticos_caracterización_y_desafíos_para_su_traducción_francés-español_Necrotourism_texts_characterization_andchallenges_for_its_translation_French-Spanish (assessed on 04.07.2024).

Marlène A., Flores M., González Herrera M. Necrotourism as a Tourism Product at the San José Cemetery of Ciudad Juárez: a Proposal to Promote the History and Culture of the Destination. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342452090_NECROTURISM_AS_A_TOURISM_PROD

UCT_AT_THE_SAN_JOSE_CEMETERY_OF_CIUADAD_JUAREZ_A_PROPOSAL_TO_PROMOTE_THE_HISTORY_AND_CULTURE_OF_THE_DESTINATION (assessed on 04.07. 2024).

Merkulova T. A., Galyatkina E. I., Chukanova I. E. The Development of “Dark” Tourism in Russia and Abroad [Razvitie “temnogo” turizma v Rossii i za rubezhom]. In: *Resorts. Service. Tourism [Kurorty. Servis. Turizm]*, 2018, 1(38), 78–82.

Mileva S. Potential of development of dark tourism in Bulgaria. In: *International Journal of Tourism Cities*, 2018, 4. 10.1108/IJTC-05–2017–0029. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323822642_Potential_of_development_of_dark_tourism_in_Bulgaria (assessed on 04.07.2024).

Mionel V. (Not so) Dark tourism: The Merry Cemetery in Săpânța (Romania) – An expression of folk culture. In: *Tourism Management Perspectives*, 2020, 34. 100656. 10.1016/j.tmp.2020.100656. Available at: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S_2211973620300234?via%3Dihub (assessed on 04.07.2024).

Powell R., Kennell J., Barton Ch. Dark cities: a dark tourism index for Europe’s tourism cities, based on the analysis of DMO websites. In: *International Journal of Tourism Cities*, 4. 10.1108/IJTC-09–2017–0046. 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323563193_Dark_cities_a_dark_tourism_index_for_Europe’s_tourism_cities_based_on_the_analysis_of_DMO_websites (assessed on 04.07.2024).

Reza M., Mohamed A., Mohamad R., Mohamed Jamri B., Haryati P. Jalan Ampang Muslim Cemetery as Kuala Lumpur’s Dark Tourism Site: A Transformative Insight, 179–204. 2023. Available at: https://www.researchgate.net/publication/381375845_JALAN_AMPANG_MUSLIM_CEMETERY_AS_KUALA_LUMPUR’S_DARK_TOURISM_SITE_A_TRANSFORMATIVE_INSIGHT (assessed on 04.07.2024). In English.

Stone Ph. Atlas of Dark Destinations – Explore the World of Dark Tourism by Peter Hohenhaus. In: *Journal of Scientific Exploration*, 36, 325–326. 10.31275/20222609. 2022. Available at: https://www.researchgate.net/publication/362853332_Atlas_of_Dark_Destinations-Explore_the_World_of_Dark_Tourism_by_Peter_Hohenhaus (assessed on 04.07.2024).

Uglikova R. A., Fedotova V. S. The Main Reasons for the Growth and Popularity of Dark Tourism [Osnovnye prichiny rosta i populyarnosti “mrachnogo turizma”]. In: *Sigitov, T.M. (ed.) The development of modern science: theoretical and applied aspects: A collection of articles by students, undergraduates, postgraduates, young scientists and teachers [Razvitie sovremennoj nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Sbornik statej studentov, magistrantov, aspirantov, molodyh uchenyh i prepodavatelej]*, 9. Perm: IP Sigitov T. M., 2016, 62–65.